

Семиотическая модель вербального пространства

Д.Н. Иванова, Е.Н. Донченко

Южный федеральный университет

Аннотация. В данной статье раскрываются научно-теоретические подходы к изучению социальной проблематики в языковом контексте. Авторы предприняли попытку представить двухмерную модель означивания современного вербального пространства. Данная модель позволяет понять процесс формирования социальных сценариев, закрепляемых в языковом пространстве. Кроме того, разработанная авторами модель позволяет исследователю увидеть целостную картину изменений социальных процессов, представленных посредством обращения к феномену языка как к универсальному социокультурному коду.

Ключевые слова: семиотическая модель, вербальное пространство, социальный сценарий, дискурс, язык, социальное пространство, социокультурный код, социальный феномен, знаковая система.

Исследование языка как социального феномена всегда считалось актуальным в силу универсальности и глобальности поднимаемых проблем. Необходимость переосмыслить целый ряд теоретических и практических вопросов в обозначенном нами проблемном поле исследования и невозможность разрешить эти вопросы методами структурного языкознания, которая не включает задачи изучения социального контекста языка, создают благоприятную почву для появления социологических языковых концепций.

Наша знакомство с исследованиями, верифицирующими социальную природу языка, дают возможность сделать вывод, что эти проблемы рассматриваются с различных сторон. Отметим, что одной из главных причин, которая вызывает дебаты является, на наш взгляд, триада «мир-язык-субъект». В данной триаде язык является связующим звеном между субъектом и объектом. Следовательно, существует две основные традиции в осмыслении реальности средствами языка: объективистская и субъективистская. Приверженность исследователей каждой из них детерминируется абсолютизацией одного из двух компонентов триады «субъект» или «объект».

Теоретики объективистского подхода опираются на представление об языке, полученным в философии языка, общем языкознании и социологии. Язык для них является в качестве социальной системы, где значение генерируется в той мере, в какой оно intersubjectively образом может распознаваться. Система понятий, реконструируемая в рамках этой традиции, главным образом направлена на возвращение онтологической картине мира такого критерия, как прозрачность через обращение к пространству языка.

В теоретических концепциях Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, Т. Парсонса обосновывается проблема «общего языка». В трудах М. Фуко, Дж. Мида, Ю. Хабермаса, К. Ясперса языковое пространство представлено как место встречи разнообразных познавательных феноменов [1]. Ю. Хабермас выступил сторонником этики непрерывной коммуникации, разработанной в рамках теории абсолютного, сверхпрозрачного дискурса [2].

Теоретические подходы, в которых была предпринята попытка рассмотреть механизмы коммуникативного взаимодействия с позиции субъекта, обозначены в трудах таких ученых, как Г.-Г. Гадамер, Х. Ортеги – и – Гассета, М. Бахтин, А.Р. Лурия, Р. Диксон, Д. Гудвин, Д. Хаймз, К. Шеррер.

Предпринятое нами изучение языка как социального явления позволило по-новому соотнести описание социальных и языковых процессов и представить их в виде авторской модели двухмерного вербального пространства. Авторы предприняли попытку показать как отражаются в языке коллективное рационально сконструированное сознание, основываясь на тезисе, в котором содержится, что объективизация субъективного происходит в языке.

В связи с тем, что данный феном обладает двойственными свойствами, на наш взгляд, необходимо более тщательно разработать понятийный аппарат. Исходя из этого, мы посчитали целесообразным определиться с рядом понятий, на основе которых будут выстраиваться наши выводы.

«Термин «язык» имеет, по крайней мере, два взаимосвязанных значения: 1). Язык вообще, язык как определенный класс знаковых систем; 2). Конкретный, так называемый, этнический, или идиоэтнический язык – некоторая реально существующая знаковая система, используемая в некотором социуме, в некоторое время и в некотором пространстве» [3].

Образы языка, которые сменяли друг друга в течение долгого времени, опирались то на объективную, то на субъективную модели, выделяя инструменталистскую природу языка.

Г. Пауль постулировал тезис, с которым наука вошла в XX век. Она написал: «Мы должны признать, что на свете столько языков, сколько индивидов» [4].

Хотелось бы отметить, что по мнению Брендаля язык является набором, который предоставляет возможности, а также является единым для всех людей Земли.

Поскольку последнее время мы можем наблюдать за тем, что происходит изменение методических маркеров, в рамках которого предметно-пространственные характеристики мира меняются на событийно-временные аспекты, что приводит к тому, что измерение языка (пространственное) сменяется временным. Таким образом, в данном исследовании основным понятием является конкретный термин «язык времени».

«Язык времени, - считает В.В. Виноградов, - это совокупность языковых единиц из общенационального постоянно развивающегося языка

для выражения мысли и чувств, свойственных конкретной эпохи». Мы согласны с ним, что нельзя представить язык как определенную и завершающую величину. «Время нечто от нее отнимает, меняет, добавляет, содержание слов становится беднее или богаче, более определенным или более расплывчатым» [5].

В нашем понимании «язык времени» отражает динамический процесс взаимодействия множества языков и культур в исторически сложившейся социальной среде.

Учет социокультурных, прагматических и других факторов при анализе «языка времени» актуализирует использование концепта «дискурс», который может употребляться в разных смыслах. Данный термин, исходя из классической риторики, выступает в качестве языка, который рассматривается в действии. В настоящее время данный аспект сохранился в понимании данного понятия. Если обращаться к трудам Дж. Фиска, то в его понимании дискурс – это расширенное использование языка, где он существует помимо пределов предложения. А вот по мнению французского лингвиста Э. Бенвениста в концепте «дискурс» прослеживается значение, которое присваивается субъектам разговора.

Мы считаем, что каждой конкретной исторической эпохе свойственен свой особый способ проявления речевой деятельности, то есть дискурс. Ценностно-знаковые значения, манифестируемые в дискурсе, фиксируют время. Трансформация данных значений, приращение к ним новых смыслов сигнализирует о том, что в дискурсе произошли определенные метаморфозы, свидетельствуя о движении времени. Суммируя современные взгляд, которые относятся к данному термину, мы сформулировали следующее рабочее определение понятия «дискурс».

Дискурс как некий специфический вид проявления речевой деятельности свойственен каждой исторической эпохе. И те ценностные значения, которые обыгрываются в дискурсе, фиксирует некий отрезок времени. Приращение новых смыслов и их трансформация свидетельствуют о движении времени.

В нашем понимании дискурс – язык в языке, представленный в виде особой социальной данности. Мы также считаем, что дискурс необходимо рассматривать не только как текст, под коим понимается формальное, абстрактное, письменно фиксируемая знаковая конструкция, но, как текст плюс знаковая информация, то есть как некая актуализация его потенциальных смыслов [6].

Семантическое движение слов, фиксируемое во внутривидовых изменениях, особенно заметно в том вербальном пространстве, в котором оказался человек сегодня, характеризуемом подвижностью и гетерогенностью. В контексте спрессованных в очень короткий промежуток времени трансформаций значение слова и его употребление зачастую не совпадает по своему объему и функционированию. Мы считаем, что одной из главных причин семантических сдвигов может выступать переворот в коллективном сознании. Поскольку человек в его социальном окружении начинается со знания, адаптируемого к внешнему миру, то основным предметом анализа в рамках нашего исследования является реальное, радиально сконструированное сознание во всем его противоречивом развитии и фиксируемое в языковом пространстве как воплощение установок и ценностных ориентиров.

Исходя из постулата о том, что в языке субъективные признаки приобретают характер объективного, мы предполагаем, что в представленной ниже авторами семантической модели репрезентированы две зоны:

объективная, фиксируемая языком как таковым, и субъективная, манифестируемая в идеологическом дискурсе.

Если в зоне объективности вербальная коммуникация стремится к идеалу, который предстает в образе универсальной, прозрачной интерсубъективной общности, то зона субъективного может быть представлена как область расплывчатости и неопределенности. Индивидуальное сознание в этой области можно описать как расщепленное, рефлексирующее разлом между социальной культурой и индивидуальным сознанием.

Мы исходим и того, что в нестабильном обществе разлом достигает максимальных размеров, обуславливая существование обширной зоны неопределенности, в которой неизменно имеет место постоянное движение и трансформация смыслов, прикрепляемых к плавающим в этой зоне означаемым. Когда эти смыслы фиксируются коллективным сознанием, они должны получить свое вербальное воплощение в зоне языка.

Определиться с этой субъективной зоной – значит найти признаки рационально сконструированного коллективного сознания в разных сценариях, которые составляют причудливую мозаику современной реальности. Собственно социальное измерение заключается в эффекте фиксации особой точки, в которой новые смыслы достигают своей максимальной насыщенности. Именно эта точка придает значение всем элементам общественной системы и тем самым придает цельность зоне субъективности. Поиск этой точки может быть представлен как поиск некой сквозной идеи в социальной культуре и идеологии.

Поясним, каким образом можно отследить векторы развития социального сценария на субъективном поле. На рисунке 1 представлена графическое выражение процесса означивание.

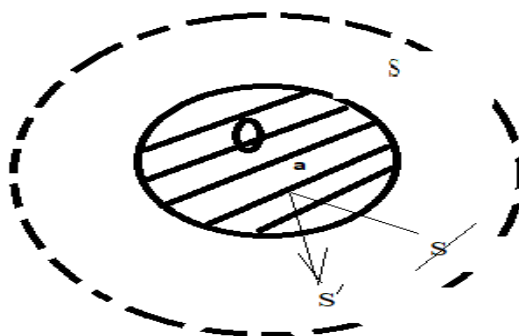

Рис. 1. – Семиотическая модель вербального пространства

Обозначим область объективного буквой O , а субъективную зону буквой S , моделируем вектор субъективной интерпретации фактов социальной реальности $S - S'$. В зоне S этот вектор фиксирует процесс воспроизводства смыслов, так как в зоне субъективного индивид показан как расщепленный субъект (на рисунке 1 обозначен x), он не получает понятийного определения, а обозначен как гипотетический x , который необходимо предположит. В обозначенной точке x к расщепленному субъекту обращаются факты социальной реальности, обозначаемые в вербальном пространстве как означающие. Для идеологической фиксации вектор, означающий цепочки, направлен в область O . В идеологически нейтральной области O расщепленное индивидуальное сознание индивида ищет языковые средства для выражения своего миропонимания глубинных напластованиях культуры языка. В области O заложены архетипические корни социальных ценностей, которые консервируются коллективным сознанием. В точке a на субъекта действует три взаимозависимых

компонента: референция, ассоциация и эмоция, способствуя созданию нового образа. Далее вектор, двигаясь в обратном направлении возвращается в область S , где собственно и происходит приращение смысла к означаемому. Результат движения вектора обозначен S' . В этой области происходит символическая идентификация индивида, которая репрезентирует его другим субъектам. В данной точке субъект принимает конкретный, узнаваемый образ. Манифестируемый в дискурсе ретроверсивный эффект позволяет индивиду воспринимать себя как самодостаточную величину. Однако зона S полностью подчинена господствующему означаемому, которое настраивает индивида на определенное восприятие реальности. Это означаемое ретроактивно придает означиваемым словам новый смысл, артикулируя его различным образом в зависимости от господствующего означаемого.

Наблюдения за коллизиями истории показывают, что во времена активизации процессов смысла производства, человек ощущает потребность обратиться к сакральному, пережить опыт, который онтологически превосходил бы его самого и тем самым обосновывал его собственное существование. Этим и объясняется направление вектора $S - S'$, который фиксирует поиск индивидуальным сознанием изначального. Вектор же коллективного сознания $S_{1,2...n} - S'_{1,2...n}$ в отсутствие единого смыслового поля в области O направлен на поиск основного означаемого в вербальном пространстве, что позволило бы упорядочить все элементы социально-культурной системы. Для того, чтобы поддерживать гомеостаз в движении противоречиями социуме, принципиально важно в любой период развития общества определиться с экзистенциальным статусом, создаваемого языкового пространства, то есть определиться с отношением к

нему всего общества «коллективного сознания» и индивидов «индивидуального сознания».

Подводя итоги вышесказанного, хотим отметить, что описанный авторами процесс взаимодействия языка и социальной культуры, представленный в двухмерной семантической модели, в исторически сложившихся социальных средах носит динамический характер. Временной фактор детерминирует развитие этой динамики. И с этой точки зрения перманентный процесс взаимодействия языка и культуры, который сопровождается взаимопроникновением и наложением О и S носит циклический, волновой характер. Векторы развития социальных сценариев в зоне идеологического дискурса определяются узловыми точками, которые стремятся включить в задаваемые ими системы свободно плавающие означающие. Субъекты, в свою очередь, действуют в таком идеологическом дискурсе как свободные агенты, проводники того или иного социального сценария.

Таким образом, в зоне S дискурсивные механизмы воссоздают поле идеологических смыслов. А значения, заимствованные из области О, представляются чем-то доидеологическим, иррелевантным для анализа языка как социального явления. Конструирование реальности в зоне S обуславливают существование двух взаимосвязанных процедур. Если в зоне S реконструируется поле смыслов, то зона О представляет поле значений, где последнее есть ничто иное как абстракция поля смыслов. В пространстве О все концентрируется в одной точке, и в то же время то, что лежит за пределами значения, остается как бы невидимым. Зона S есть реальная форма существования поля смыслов, где ярко выражена тенденция к созданию ультразначений. Эти новые воспроизводимые смыслы, оказываясь в зоне идеологического дискурса, иногда могут не осознаваться носителями языка в

зависимости от конкретных условий. Мы считаем, что переход из осознанного в неосознанное и обратно не меняет роли производства новых смыслов как регулирующего фактора. Изменения в зоне О обуславливают появление новых, связанных с ними ценностей и новых же, на эти ценности опирающихся стратегии поведения. Сфера смыслового поиска, представленного в пространстве S, расширяется за счет сосуществования разных сценариев восприятия действительности. Слово способно генерировать реальность. Поэтому на пути достижения общественного согласия мы должны не забывать о том, что язык является той реальной силой, которая способствует интеграционным процессам в обществе.

Литература

1. Ясперс К. Язык. Философия языка и семиотика. Иваново: ИвГУ, 1995. 356 с.
2. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003. 416 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая рос. Энциклопедия, 2002. 709 с.
4. Пауль Г., Ленк Х. Логика и культура. Об универсально верных законах логической формы и определяемых культурой различиях логики // Вопросы философии. 2011. №7. С. 3-17.
5. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М., 1981. 345 с.
6. Иванова Д.Н. Социолингвистическая динамика современного российского общества // Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Ростов-на-Дону, 2000. 186 с.
7. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. 448 с.
8. Розин М.Д., Свечкарев В.П. Проблемы системного моделирования сложных процессов социального взаимодействия //

Инженерный вестник Дона, 2012, №2 URL:
ivdon.ru/magazine/archive/n2y2012/846/

9. Свечкарев В.П., Розин М.Д. Инженерный прорыв в социальном моделировании // Инженерный вестник Дона, 2013, №4 URL:
ivdon.ru/magazine/archive/n4y2013/1979/

10. Fiske, J. Reading the Popular. London: Unwin Hyman Ltd, 1989. 216 p.

11. Crystal D. The English Language/D. Crystal. – London: Penguin Books Ltd, 2002. 312 p.

12. Halliday, M. A. K. On Language and Linguistics, Jonathan Webster (ed.), Continuum International Publishing, 2003. 218 p.

References

1. Jaspers K. Jazyk. Filozofija jazyka i semiotika [Philosophy of language and semiotics]. Ivanovo: IvGU, 1995. 356 p.

2. Habermas Ju. Filozofskij diskurs o modern [Philosophical discourse on modernity]. M., 2003. 416 p.

3. Lingvisticheski jenciklopedicheski slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. gl. red. V.N. Jarceva. 2-e izd., dop. M.,: Bol'shaja ros. Jenciklopedija. 2002. 709 p.

4. Paul' G., Lenk X. Voprosy filozofii. 2011. №7. pp. 3-17.

5. Vinogradov V.V. Problemy russkoj stilistiki [Problems of Russian stylistics]. M., 1981. 345 p.

6. Ivanova D.N. Sociolingvisticheska ja dinamika sovremennogo rossijskogo obshhestva. [Sociolinguistic dynamics of modern Russian society]. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata sociologičeskikh nauk. Rostov-na-Donu, 2000. 186 p.

7. Benvenist Je. Obshhaja lingvistika [General linguistics]. M., 1974. 448 p.
8. Rozin M.D., Svechkarev V.P. Inzhenernyj vestnik Dona (Rus), 2012, №2 URL: ivdon.ru/magazine/archive/n2y2012/846/
9. Svechkarev V.P., Rozin M.D. Inzhenernyj vestnik Dona (Rus), 2013, №4 URL: ivdon.ru/magazine/archive/n4y2013/1979/
10. Fiske, J. Reading the Popular. London: Unwin Hyman Ltd, 1989. 216 p.
11. Crystal D. The English Language/D. Crystal. London: Penguin Books Ltd, 2002. 312 p.
12. Halliday, M. A. K. On Language and Linguistics, Jonathan Webster (ed.), Continuum International Publishing, 2003. 218 p.